

A night photograph of a street in St. Petersburg, Russia. The sky is dark with some clouds. Several yellow, hand-drawn style stars are scattered across the sky. In the foreground, there are silhouettes of buildings, a street lamp, and cars with their headlights on. The text "Саша Невская" and "звезды в твоих рукавах" is overlaid on the image.

Саша Невская

звезды в твоих рукавах

Саша Невская

Звезды в твоих рукавах

«Издательские решения»

Невская С.

Звезды в твоих рукавах / С. Невская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-934772-5

Она открывает окно и садится на подоконник, свешивая ноги на улицу. В белых руках дымится (не) слишком приторный кофе, приятный утренний аромат разносится по узкой питерской улочке. Пока о босые ноги не бьются волны человеческой жизни, она сжимает в пальчиках песчаные крупички чужого счастья и продолжает всматриваться в подъезды и окна. Под ее кроватью рукописные сказки ждут своего часа. Они ждут, когда их в полной темноте будут рассказывать и, затаив дыхание, слушать.

ISBN 978-5-44-934772-5

© Невская С.
© Издательские решения

Содержание

сказка о волшебном эликсире. полуночная незнакомка	7
сказка о непокорной принцессе. шошанна	11
сказка о лунном камне. мальчик с мечтой о космосе	15
сказка о доброй ведьме. бариста по имени александра	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Звезды в твоих рукавах

Саша Невская

© Саша Невская, 2018

ISBN 978-5-4493-4772-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*«... Потому что в том мире, судя по всему, очень интересно,
гораздо интереснее, чем здесь...»*

Корнелия Функе

«Чернильная смерть»

пальтошке – чтобы не прекращал любить.
дорогой – чтобы продолжала писать.
мальчику С – чтобы начал мечтать.

она открывает окно и садится на подоконник, свешивая ноги на улицу. в белых руках дымится (не) слишком приторный кофе, приятный утренний аромат разносится по узкой питерской улочке, поднимая с постелей одиноких романтиков и случайных любовников. она любит смотреть на заспанный город. ей нравится он таким, настоящим, без напыщенности культурной столицы, автомобильных сигналов и оранжевой корки австрийского шницеля. пока о босые ноги не бьются волны человеческой жизни, она сжимает в пальчиках песчаные крупицы чужого счастья и продолжает всматриваться в подъезды и окна. вдруг мелькнет волшебство. на кухне ее уже ждет котик, потираясь мордочкой о пустую миску, в кофейне на углу ее ждут вишневый штрудель с собой и черно-белые фотографии заснеженного неевского проспекта с подписанными датами, в парке ее ждет мальчик, прислонившийся к фонарному столбу, который уже начал дергать за лепесточки маленькие бутончики розовых роз, а на небе ее ждет маленькая звездочка, переливаясь ало-рыжим пламенем и выжидая два часа разницы. под ее кроватью рукописные сказки ждут своего часа. они ждут, когда их в полной темноте будут рассказывать и, затаив дыхание, слушать.

Ковалевская Дарья

сказка о волшебном эликсире. полуночная незнакомка

строчка. ещё строчка. третья, пятая.

беспомощно и отчаянно опираюсь головой о стол, кричу часам «прекратите тикать, сволочи вы беспощадные!» и нервно смеюсь куда-то в ледяную темноту чернильной ноябрьской ночи. в квартире включена лишь одна лампа – лампа над моим письменно-чертежным столом. атмосфера, прямо сказать, действительно очень творческая – и компания суккулентов с кактусами тебе, и куча стареньких затертых фолиантов запаха мускатного ореха и чёрного перца, и корыто крепкого чая с тазиком чёрного кофе по обе стороны рук, и палитра акварели «Ленинград» с гнутыми от сырости подпаленными листами бумаги, и золотистые пылинки, танцующие в темноте под светом искусственных огней. в общем, твори себе, вытвори – не хочу.

вот и ключевая фраза.
не хочу.

ну, как не хочу. буквы упрямо пляшут от меня страстной сальсой и отчаянно не желают складываться в слова уже которую неделю. не знаю, что вообще хочется. плакать или смеяться. в отпуск или на работу. чай или кофе. последний выбор, решаю я, гораздо весомее остальных и поэтому, зевая, по считалочке выбираю, что же сегодня отнимет мой ночной сон в попытке вернуть выветрившееся в форточку вместе с осенними глупостями вдохновение. видно, потерялось в наступающей зимней кутерьме.

от моих вопросов вселенского масштаба меня отвлекает звонок в дверь. настойчивый такой, почти нервный и чересчур громкий. любопытство быстро перекрывает раздражение – неужели издателям в голову стукнуло у меня взять новые черновики (которых, скажу честно и откровенно, нет) прямо за полчаса до полуночи? ведьма я, что ли? на шабаш захотели?

открываю дверь и с неприлично широко раскрытым ртом гляжу на вошедшую.

гладко зачесанные неровным пробором медно-рыжие волосы, чуть колючий взгляд зеленых глаз и необычайно серьёзное выражение лица. поспешно захлопываю рот. – а вы кто? – дело не в том, кто я. дело в том, вы ли, дорогая, Саша, писательница? – она читает по листочку. легкое чувство гордости охватывает сердце. не зря, оказывается, я на сон и все в общем плюю, раз меня на листочках писать начали.

– она самая, – часто киваю, как птица, приветливо улыбаюсь. с такими необычными клиентами априори стоит быть вежливой. только подумать – меня! для нее! на листочке написали! – чем могу помочь?

зелёные глаза осматривают так пристально, что невольно становится стыдно. за что? да без понятия. хотя бы просто за то, что не сплю ночью, как все нормальные люди. – я слышала, что вы очень необычная и крайне эмоциональная рассказчица. так вот. расскажите мне сказку. похоже, я отучилась контролировать с этой особой движения своей нижней челюсти. незнакомка, видимо, воспринимает моё ошеломленное молчание на свой счёт. во всех смыслах. – конечно, не без щедрой платы за ваш труд, – копается в агрессивно жёлтом рюкзаке и пытается вручить мне три сотни бумажками. я решительно качаю головой в знак отказа. – где вы видели, чтобы волшебникам платили за их магию? рыжая усмехается почти ядовито и совсем скептически. меня снова колет отвратительное чувство стыда. незнакомка без особого приглашения вторгается в сумрачный зал и усаживается в кресло перед кофейным столиком так уверенно и прямо, что я уже начинаю невольно чувствовать, что жилище-то вовсе и не моё. отливаю ей чёрный чай, крепко пахнувший чабрецом и сажусь напротив. рыжая досадливо морщится

и попивает напиток медленными, совсем коротенькими глоточками. откашливаюсь и начинаю свой рассказ. конечно, с позволения полуночной незнакомки.

– некогда жил удивительный человек, лучший чародей и алхимик своего темного, злого и тревожного времени, – начинаю я тихо, заговорщицким тоном, чуть наклонившись к столику. в глазах девушки горит интерес. плохо, что я никак не могу сообразить, поддельный ли он или настоящий.

– однажды, благодаря самому ужасному событию в его жизни, этот самый гениальный волшебник обнаружил невероятную вещь – с помощью слёз искренней любви возможно лечить самые глубокие и даже смертельные раны. моя гостья тихо прыскает, деликатно придерживая пальцами кружку. я глубоко вздыхаю и думаю о том, что рассказывать сказки ярим скептикам не стоит. даже если вас в качестве рекомендации написали на листочке. – долгое время он держал это открытие в строжайшем секрете и думал о том, как именно можно объявить об нем во благо человеческого рода. раздумывал действительно долго – прошло немало лет перед тем, как препарат – «настой чистой любви» – не вышел в продажу. сначала он продавался буквально за копейки в самых дешёвых бакалейных лавках и рыночных магазинчиках, где кругом слышались только крики торговцев да звон монет – смешная цена за чудодейственное средство, способное отвратить смерть – самое грозное, что приходило в те времена очень часто и неожиданно. иронично, правда? вскоре невнимание к кристально-чистому раствору в небольшой стеклянной колбочке окупилось сполна. особый спрос жен рыцарей на этот эликсир вознёс, кажется, самое обыкновенное человеческое свойство – слёзы любви на верхние полки самых элитных шатров известнейших целителей. нередко появлялись и подделки, что автоматически ещё более популяризировало эликсир как в простом народе, так и в кругах высшей знати.

увлекшись рассказом, я улыбаюсь и смотрю на золотистую пыль под «бабушкиным» торшером с оборками и даже не замечаю, что полунасмешливая улыбка исчезла с лица незнакомки, уступив место лёгкой мечтательности и глубокой задумчивости. она внимательно смотрит на меня и качает головой: мол, я с нетерпением жду продолжения.

– конечно, не может быть все настолько просто. чем-то необходимо жертвовать во имя жизни, если мы хотим победить смерть, правильно? чародей пожертвовал во благо людей самым дорогим, что у него было – его сердцем. чтобы помочь своему народу бороться со смертью, он ежедневно вспоминал о своей умершей жене, которую потерял во время жестокой войны много лет назад, тем самым производя лекарство. полноценное производство открыть так и не удалось – разбирая на пробы слёзы добровольцев, желающих помочь с производством препарата, он не нашел ни один образец с нужным соотношением любви и искренности. в них просто не было ни того, ни другого.

со временем от вечной тоски сердце чародея превратилось в одну сплошную кровоточащую рану, которую он был вынужден прятать под своей длинной рубиновой мантией. он стал совсем редко подниматься с постели и плакал все чаще и чаще, с каждым днём увеличивая производство эликсира. люди же, зная, чем это обусловлено и находясь в вечной эгоистичной погоне лишь за своими нуждами, только радовались.

волшебник умирал изнутри.

люди были счастливы.

замечаю боковым зрением, что незнакомка опустила голову совсем низко, явно погрузившись в тяжёлые раздумья.

– однажды дождливым вечером чародей почувствовал, что его окровавленное и перевязанное миллионами бинтов сердце перестаёт биться. он в отчаянии звал своих помощников, прохожих через окошко, даже прислал срочное письмо правителю своего королевства о своей скорой кончине.

ни один не ответил.

ни один не откликнулся на зов о помощи.

впервые в жизни волшебник понял, что его оружие, направленное на борьбу со смертью, прямо сейчас убивает его. его слезы не действовали на глубокие раны сердца. он понял, что препарат, призывающий любить, рождает лишь равнодушие к проблемам других.

ему оставалось лишь ждать часа своей кончины, терпя адскую боль в груди. когда чародей почти балансировал между жизнью и смертью, он услышал совсем скорый шаг, почти бег в направлении своей тёмной каморки. увидев ту, что пришла к нему сквозь столь долгие и полные мучений годы, он подумал, что милые, ласковые и такие родные ему черты – всего лишь галлюцинации предсмертной горячки. его любимая жена сидела около него, проливая тихие слезы и целуя его побледневшее лицо. она так боялась не успеть – и вот, и вправду не успела. она добиралась к нему из плена вражеской страны целый год, терпя поражения и неудачи, но упорно стараясь достичь своей цели. неужели все было напрасно? она и не заметила, как с каждой её слезой, падающей на его грудь, он дышит легче. как возвращается здоровый румянец его щек, как стремительно сворачивается кровь на месте почти изорванного сердца. она вернулась к нему, вернув его к жизни. через некоторое время продажа навсегда закончилась, а последние колбы с эликсиром были изъяты. чародей и его жена жили долго и счастливо. и, конечно же, больше не проронили ни слезинки.

незнакомке понадобилось несколько минут, чтобы выйти из некой прострации. она задумчиво протянула мне руку, кивнула, посмотрев на моё серьёзное лицо: – называй меня Дарьей. и в ближайшее время не ложись спать раньше половины двенадцатого.

я лёжу на диване и считаю звезды на потолке.

по комнате разносится аромат крепкого черного чая с чабрецом.

сказка о непокорной принцессе. шошанна

той ночью, после встречи со странной девушкой с желтым рюкзачком, я спала на удивление хорошо, без кошмаров и мыслей длиною от полуночи до рассвета. из раскрытого настежь окна веял даже чуть теплый осенний ветер, пропитанный запахом нагретой земли, подгнивших коричнево – красных гроздей рябины и дешевеньких сигарет с запахом вишни. очевидно, что юной Шошанне¹ из соседней квартиры не спалось из-за постоянного гнета строгих родителей. звали непокорную на самом-то деле Лилен или, более неформально, Лили (семья девчонки приехала из глухой французской провинции в Петербург дабы пристроить пигалицу в просторном гнездышке покойного дяди и, по настоянию небезызвестных уже читателю родителей, выучить ее на экономиста) и была она, скажу я тебе, явно не столь ласкова и мила, каково было ее имя.

я никогда не встречала людей, умеющих настолько искусно менять маски, буквально тасуя их, как игральные карты в руке и выкидывая нужную в самый подходящий момент, срывая джекпоты² один за другим. ее личико было на редкость миловидным и ровно на столько же странным и неестественным для юной особы восемнадцати лет – остренькие черты лица, длинный и чуть приплюснутый нос, тонкие брови, полное отсутствие румянца, почему-то постоянно дрожащий подбородок и... глаза. «да, ничего удивительного, снова пресловутое описание пресловутых глаз, глубоких, как море и зеленых, как листва», – скажете вы, но я бессовестно прерву. глаза у нее были совершенно особенные. они были огромные, цвета вязкой тины, какие-то округло-рыбьи и чуть навывкате, всегда туманно-задумчивые и чуть сонно прикрытые короткими темными ресницами. они даже не прищуривались, когда Шошанна улыбалась. это наводило какую-то непонятную тревогу в первые секунды знакомства, которая, впрочем, максимально скоро исчезала без следа под натиском душевного очарования юной француженки. казалось, что за этой сладенькой внешностью вечно зрел бунт, томилась провокация, кричала и бесновалась революция, но девчонка была удивительно сильна для своих лет – она мужественно сдерживала это внутри, не давая повода даже для малейших подозрений со стороны как близких, так и чужих.

она умела щебетать с родителями, потому что боялась их. она не противилась родительской мечте – ведь Лили, (*oui, chérie?*)³ была обязана выучиться на добротного экономиста в какую-нибудь солидную контору и получать хорошенькие пачки хрустящих купюр – и прятала в стол неряшливые карандашные черновики пейзажей, портретов и натюрмортов. она умела заставить любого юношу от любви целовать острые носки ее прелестных светло-голубых лаковых туфель и была вполне способна избить любого хама, перешедшего границы, до той же позы. умела прелестно печь вишневый пирог со сливками и курить взятяжку сигареты с тем же вкусом. умела с легкой улыбкой не только отпускать лестные комплименты, но и опускать человеческое эго до самого вонючего inferно, которое только возможно представить.

но самое удивительное заключалось не в таком разительном контрасте ее масок. ее никогда нельзя было поймать. невозможно было уличить в чудовищном лицемерии – и только в этом был ее скрытый протест, так никем и не замеченный.

---

¹ – Шошанна – еврейский эквивалент русского имени Лилия.

² – джекпот (англ. jackpot – куш, самый крупный выигрыш) – призовой фонд в некоторых слотах, лотереях и прочих азартных играх.

³ – с фр. – «да, милая?».

и вот, когда моя вновь пришедшая рыжая, с нескрываемым интересом поглядывая на меня, дует на густые и тяжелые пары чая в чашке с синими кроликами, я решаю рассказать ей сказку об особой принцессе, которой в традиционных сказаниях, места бы совершенно точно не нашлось.

– вот слушай, – поправляю плед в катышках на коленях Дарьи и улыбаюсь, – бывают же такие, которые идут против системы, да?

– бывают, – озадаченно кивает она, уже со вкусом отпивая горьковатый отвар, но все еще морщась от прикосновения моих рук, – но, знаешь ли, редко у них выходит эту систему побороть. ее столько лет отлаживали, что ли, чтобы всякие дураки ее ломали?

и тут мне отчаянно хочется доказать ей, что именно эти дураки, ломающие и вновь программирующие под себя всякие условные системы – люди, действительно чувствующие себя живыми, настоящими, счастливыми. люди, чувствующие вкус и запах окружающего их мира. именно поэтому торопливо начинаю свой рассказ.

– когда-то давно, во времена доблестных рыцарей, хитрых королей и злых мачех жила особо ничем не отличающаяся от типичной принцессы инфанта. жила себе и жила со своим отцом-ничем-не-отличающимся-от-других-королей-королем, ни в чем не нуждалась, звезд с неба не хватала и занималась своими принцессовскими делами – в общем, была послушной, покорной, кроткой, нежной и прекрасной, как благоухающая в летнем саду майская роза и все такое.

рыжая фыркает и улыбается, теряя по частям свой цинизм.

– но вот однажды пришел к ней король-отец и, поправив свою до неприличия банальную красную бархатную мантию, объявил, что скоро принцесса должна выйти замуж за принца другого тридевятого королевства. и все бы ничего, принц и принцесса, вроде как все должны быть довольны, но вот брак-то по расчету, как сказали бы мы сегодня. королю срочно нужно было золото, чтобы расплатиться с долгами, да и союз дочери и того принца-инкогнито был бы выгоден обеим сторонам – царства могли бы не волноваться, когда неотвратимо наступит время битв, ведь они будут семьей и на фронте.

покачала головой юная принцесса, уронила пару слезинок, да делать и нечего – противиться отцу, кажется, совсем не вариант. поэтому стала она покорно ждать своей свадьбы и, по совместительству, первой встречи с будущим мужем.

и вот долгожданный день наступил. королевство, обсыпанное цветами, словно веснушками, нарядилось в самые яркие оттенки. в каждой таверне поднимались чаши, полные вина или эля⁴, за здоровье и благополучие молодых. в каждом доме устраивалось пышное празднество, а тем временем принцесса, стыдливо, как и подобается, опустив голову, шла к алтарю. свежа она была, как вешний цвет, и никто не мог налюбоваться на красавицу-невесту.

ничего не могу сказать про принца – принц был, как принц. не урод, но и не ах. в обычных сказках принцы не описываются, знаешь ли.

обвенчались они скоро и уехали во дворец жить, дела принцевские и принцесовские вершить.

однако, с каждым днем принцессе становилось все тоскливее, все хуже. она не хотела видеть своего мужа и, тем более, отца, все чаще запиралась в своей башне, время от времени ведя долгие беседы со своим новым слугой. как вы поняли, влюбились они друг в друга без

---

⁴ – эль (англ. ale) – сорт пива, производимый быстрым верховым брожением при высокой температуре.

памяти – удивительный поворот событий для классической сказки, верно? – и, конечно же, стали думать, как бы избавить принцессу от таких ужасных страданий.

– я знала, конечно, что ты сказочница, но не настолько же новаторская! – перебивая меня, восклицает Дарья, – ставлю столик⁵ на то, что она не сможет сбежать от отца. неужели сказка с грустным концом, а? – подмигивает и торжествующе улыбается.

я хитро шуюсь в ответ.

– а думать им так толком и не пришлось. в один ясный солнечный день назначила принцесса свидание любимому на балконе своей высоченной башни, и как раз в то время, когда королевская чета наслаждалась изысками светской кухни. поднял голову король и обомлел – видит, что дочь его в латах, украденных у принца, садится на подлетевшего к ней прекрасного дракона. так ладно, что латы – так негодяйка еще и волосы свои золотистые аж под уши обреза! кричит ей, руками машет, поднимает принца, больше занятого кушаньями заморскими, а девчонка с высоты лишь улыбается и машет ему ладонями в железных перчатках.

много лет с того случая прошло. никто так и не нашел храбрую принцессу, осмелившуюся пойти против всех законов и правил, как бы не злились короли и не было абсолютно по боку молодому принцу. а юная разбойница улетела в счастливую жизнь со своим возлюбленным-слугой – он, кстати, был драконом. и, знаете ли, жили они долго и счастливо: дракон и принцесса. и умерли не в один день.

Дарья ошарашенно смотрит на меня. и теперь рот раскрыт явно не у меня.

– гони мой столик, Дарья, – уверенным голосом заявляю я, – ломать системы умели даже в Средневековье, это я тебе говорю, как специалист.

а теперь на секунду закрой глаза и представь себе, что я нашла, когда провожала свою полуночную гостью.

правильно. я нашла прощальную записку от моей Шошанны, которую сейчас тебе покажу.

«cher Sasha⁶,

если ты видишь это, значит, я уже не тут. не волнуйся, s'il vous plaît,⁷ со мной все в порядке, я улетела к своей мечте. я тебе так и не рассказала, в Англии меня ждет мой любимый. сейчас я заняла денег на билет. лечу к нему и к учебе на дизайнера. не пытайся звонить и отговаривать, я поменяла номер. s'il vous plaît, напиши маме и папе и скажи, что я обязательно буду к ним приезжать. только не проболтайся, где я! merci pour tout, Sasha⁸. век тебя буду помнить.»

*au revoir,
votre Shoshanna⁹*

знаете, ломать системы умеют и сейчас.

я уверена, что очень и очень успешно.

---

⁵ – столик – сто рублей или другой валюты, чаще всего употребляется именно в денежном смысле.

⁶ – с фр. – «дорогая Саша».

⁷ – с фр. – «пожалуйста».

⁸ – с фр. – «спасибо тебе за все, Саша».

⁹ – с фр. – «до свидания, твоя Шошанна».

сказка о лунном камне. мальчик с мечтой о космосе

после внезапного, но очень правильного отъезда моей непокорившейся Шошанны прошло некоторое время. рыжая Даша с рюкзаком и уже неуверенной циничной улыбкой будто растворилась в воздухе, с каждым днем все сильнее и сильнее пахнушем чистыми стеклышками первого робкого морозца, еще не способным румянить щечки, но уже заставлявшем кутаться в теплый плед (обязательно с катышками!) и добавлять в крепкий черный чай кусочки бледно-желтого, как покинувшее Петербург солнышко, имбиря.

мне было даже как-то немного тоскливо и капельку противно на душе. ну же, подумай сам – прокрастинация¹⁰ подкралась незаметно, ровно как и зима, дома стремительно заканчиваются запасы бабушкиного абрикосового джема, да еще и кофемолка сломалась. нужно чинить. а чтобы чинить, надо выйти на улицу. а выйти на улицу – значит признать, что зима почти наступила. а признать, что зима почти наступила – значит впасть в полную апатию¹¹, иногда прерываемую радостными визгами от обилия новогодних распродаж. проблемы мирового масштаба для творческого человека, скажу я тебе без капли фальши и показной важности.

а когда мне особенно тревожно на душе и от беспричинной печали вдруг хочется есть Киевский торт столовыми ложками, я – не поверишь – сажусь перед окошком на старенькую табуретку, обтянутую коричневым дермантином и, смотря на далекие огоньки в небе, думаю о космосе. а вместе с мыслями о вышине небесной у меня непоправимо возникает в голове образ одного мальчика.

признаться, я никогда не была с ним как-то особенно близка, но так уж получилось, что наши пути не слишком разошлись – скорее, они шли параллельно друг другу, не пересекаясь, но и не слишком отдаляясь. мальчика я назову буквой С. что я могу сказать о нем, как о личности, говоришь? был он... какой-то не такой. я постоянно видела в этом мальчишке со смешным вздернутым носом какую-то червоточину, и червоточина эта выявилась для меня лишь недавно: я поняла, что никогда не видела столь пустых глаз. наша юность была отчаянно безбашенной, яркой и незабываемой, но ни в одном эпизоде ее, как бы не улыбались его губы, я не видела живой искорки в глазах, которая дает понять, что человек жив и хоть что-то чувствует. он смеялся – вроде как достаточно искренне – шутил – вроде как очень смело и до того чертовски неприлично, что у меня горели щеки от стыда. он вел себя совершенно безрассудно и порой даже абсолютно глупо, из чего со временем я сделала вывод – он не остановит свой почти дикий спектакль под названием жизнь, пока не испробует все, не выпьет себя и окружающих его близких и далеких людей до дна, потому что, по моей теории, он просто не умеет чувствовать или утратил эту способность из-за переломного события в судьбе.

и после всего этого не самого лестного описания я тебя ошеломлю. не поверишь, о чем он мечтал.

он мечтал о космосе, солнце. мы часто общались ночью, забываясь в разговорах о науке, психологии, отношениях между людьми. но однажды он сказал мне фразу, которую я никогда не пойму и никогда не сумею забыть.

«если я увижу там, в космосе, что-то, что невозможно описать – я готов умереть»

---

¹⁰ – прокрастинация – в психологии склонность к постоянному откладыванию даже важных и срочных дел, приводящая к жизненным проблемам и болезненным психологическим эффектам.

¹¹ – апатия – состояние безразличия, бесстрастия, невозмутимости.

мальчик с абсолютно пустыми глазами готов умереть за то, что так далеко и так размыто для всех нас – что-то из ряда фантастики, до сих пор не укладывающееся у меня в голове.

я думаю и думаю о неоновых планетах, о мальчике С, о смерти за жизнь, о неизведанных бездонных глубинах вселенной и даже не замечаю, как в дверь как-то особенно тихо и одновременно настойчиво стучат.

– расскажи мне что-то о звездах, – шепотом просит меня заплаканная, но изо всех сил старающаяся сохранить спокойствие и твердость голоса Дарья, поджавшая под себя ноги на кресле, – расскажешь, да?

и я, тяжело вздохнув и взглянув на будто застывшую идеальным изваянием рыжую, начинаю свою новую историю.

– когда-то жил на свете славный гончар. была у него своя небольшая лавка на рынке столичного городка, и пользовались плоды его мастерства – кувшины, вазы, горшки – огромным спросом у горожан всех сословий и возрастов. делал он их на удивление ладно, аккуратно – ни разу не видели покупатели в его мастерской ни осколка от разбившегося творения – и расписывал, к тому же, невероятно искусно, и даже ни одна мастерица в городе не могла похвастаться более изысканными и утонченными фресками на своей посуде.

все хорошо было у гончара, но только вот сердце его давно уж окаменело и застыло, словно обожженная в печи глиняная ваза. жена его умерла в родах, оставив ему чудом выжившую дочку. и даже это было не самое страшное, что могло случиться с гончаром – по-настоящему ужасным было то, что он просто не мог любить свою малышку. со смертью любимой будто умерло и его сердце, потеряло всякую возможность чувствовать. он хорошо содержал ее, дарил отцовскую заботу и оберегал – но не от любви, а из-за долга перед покойной женой. более того, девочка страдала страшной болезнью сердца, и гончар осознавал, что каждый день для нее может стать последним, но... ничего не ощущал даже при этой мысли. продолжал он работать в своей лавке. дела шли лучше с каждым днем, да только глаза его были страшно пусты.

– и где же космос? – прерывает меня моя гостья абсолютно бесцветным голосом, – мы ведь договорились.

– славный гончар ждать не будет, – нарочито сердито отвечаю я и чуть улыбаюсь, – будет тебе и космос, и звезды, и даже Млечный Путь из молока или Милки Вэя¹² **американской компанией Mars Incorporated.**, если только захочешь.

– и вот однажды он задержался в мастерской совсем-совсем поздним вечером. было полнолуние, и его дочурка, ожидая отца, танцевала в таинственном лунном свете, звонко смеясь и спотыкаясь о свои же совсем слабые ножки.

внезапно резвый хохот и топот детских ножек стих. гончар, подумав, что дочь не пережила эту лунную ночь, с тихим вздохом вышел на улицу, однако увидел там совсем иное зрелище.

его дочка, усевшись на холодные плиты тротуара, внимательно рассматривала какой-то странный сероватый камень в своих пухленьких ручках, поворачивая его из стороны в сторону.

– откуда это у тебя, прелесть? – ровным голосом спросил гончар, – пойдём домой, я закончил дела.

---

¹² – Milky Way – с англ. – «Млечный Путь» – шоколадный батончик, производимый

– знаешь, папа, этот камень упал с Луны, он точно волшебный, и этой ночью он должен засветиться. а еще, папа, ты должен меня разбудить, когда он начнет светиться, а то я все пропущу, ты же разбудишь меня, да? – увлеченно щебетала малышка, крепко удерживая пальчиками камень.

– конечно разбужу, милая, сразу, как начнет светиться, – тихо проговорил гончар, посмотрев на счастливую дочь и угадывая в ней черты своей возлюбленной.

конечно, когда они легли вместе в кровать, он совсем не собирался будить малышку, ведь она, фантазерка, снова все выдумала. но все же, не желая разрушать наивные детские мечты, гончар кивнул на повторный вопрос девочки.

ночью он проснулся от внезапного яркого света. камень и вправду светился, а дочь рядом с ним уже не дышала.

и вдруг зарыдал со всей своей горечи славный гончар. из его окаменелого сердца будто вырвалась наружу мощным потоком вся злость, обида и несправедливость, которую он терпел, выплеснулась страшным цунами скорбь и любовь, так долго томившаяся внутри. поднял обесиленно глаза гончар – и видит что-то совершенно удивительное: на месте сердца у дочери стоит светящийся ослепительно алым лунный камень, и потихоньку оживает она. вот заалел на щечках детский смешной румянец, вернулся цвет к пухлым губкам, заблестели светлые кудри. открыла девочка глаза цвета лазури.

– папа, ты меня разбудил, да?

обнял гончар дочь, прижал к себе изо всех сил, и больше никогда-никогда не отпускал. ну а еще всегда верил даже в самые невероятные чудеса.

через время я все же наконец выбралась на улицу и со всей серьезностью признала поражение осени перед неумолимо наступавшей зимой. навстречу мне шел высоченный С с шапкой набекрень, и... кажется, мне не показалось.

искрами в ранее пустых глазах.

– Саш, может, в военно-космическую академию¹³ поступлю, – в голосе гордость, а глаза почти горят.

– и умрешь за то, что увидишь в космосе? – отшучиваюсь я, внутри почти ликуя.

– если понадобится, то умру, – на минуту серьезно отвечает он, – а теперь пойдём-ка напьемся в борщи, нас там один уважаемый человек ждет. тебя особенно.

---

¹³ – Военно-космическая академия имени А.Ф.Можайского.

сказка о доброй ведьме. бариста по имени александра

с окончанием оранжево-серой сырой петербургской осени в свои права наконец вступила влажно-блестящая и чуть сиреневая зима. она наступила на рассвете одним из ноябрьских тихих дней. я сидела напротив своего окна, доделывая макеты новых книг, завершая нелепые акварельные рисунки со слониками и попутно кидая третий кубик сахара в невозможно горький кофе, когда мой полусонный взгляд зацепился за необыкновенную картину на улице. тусклые лучи грязно-желтого солнца словно пронзали мокрый асфальт, светло-лавандовое зарево неба будто подсвечивалось изнутри розовой лампочкой, а отсыревшие от нескончаемых ливней скамейки беззвучно серебряной тончайшей простыней застилал снег.

наверное, вам не так трудно предугадать реакцию сумасбродной писательницы, впускающей к себе по ночам рыжих девушек, на столь удивительное зрелище. тихо взвизгнув от томительного восторга, я подорвалась на стуле, случайно задев рукой кружку с магическим напитком и тем самым вылив на наброски новых иллюстраций непоправимо огромное количество еще дымящегося кофе. однако, времени обращать внимание на столь досадную мелочь совершенно не оставалось, ведь рассвет собирался окончательно привести с собой за руку новый день с минуты на минуту, поэтому я вскочила и, сметая все на своем пути, помчалась к вешалке. спугнув мирно спящего кота, я накинула на теплую флисовую пижаму со звездами пальто, обвязала вокруг шеи шарф, всунула ноги в тапочки и пустилась бегом по крутой лестнице, по пути чуть не расшибив себе лоб.

не помня ничего и никого, я кружилась и кружилась под этим робким и еще стыдливым первым снежком, смеясь и ловя снежинки ртом, стараясь дотянуться руками до этого ласкового и совсем еще сонного солнца, так похожего на леденец от кашля, до лавандово-приторной глазури неба и тонких лучей небесной лампы.

от чар наивного детского восхищения меня беспардонно пробудила соседская Лидия Михайловна, пару раз выказав не очень-то вежливое желание, чтобы я наконец показала свои книги психиатру. а что? неплохая идея, знаете ли. а что им еще читать, пока санитары людей ремнями к кушеткам привязывают?

именно поэтому, когда Дарья, уже принаряженная в симпатичный темно-голубой шерстяной полушубок, снимает ботинки в пропитанной запахом сиропа с солодкой прихожей, я с ходу спрашиваю ее:

– как думаешь, безумцы всех умней?

она на секунду застывает, будто припоминает что-то важное. вздыхает и совсем по-хозяйски проходит мимо меня, направляясь к уже полюбившемуся, кажется, ей креслу.

– безумцы есть безумцы. сравнить их с обычными людьми невозможно.

сажусь напротив нее и снова подаю чашку горячего травяного чая, заваренного специально к ее приходу. постепенное дежавю.

– тогда слушай.

в далекие-далекие времена, когда люди свято верили в богов, фей, нимф и колдунов, жила в глухой деревушке в самой дремучей глубине изумрудного леса одна ведьма. домик ее стоял на самой окраине этой деревушки, и люди, сказать честно, сторонились и его окон, и его хозяйку: выманивали с улицы непослушных детей, гуляющих допоздна, страшными историями о том, что ведьма по ночам забирает к себе в дом таких вот нерадивых мальчишек и девчонок

и ест их потом на завтрак; по поселению часто ходили слухи, что все беды на деревню и ее жителей посылает именно молодая колдунья; что знает она самые страшные темные обряды и умеет проклинать весь род человека, и от этого проклятия никак потом не спастись.

на самом деле, все эти сплетни, просачивающиеся через дверные проемы и шаткие оконные рамы, были абсолютно нелепы и беспочвенны: юная ведунья держалась особняком от остальных поселенцев, но никогда никого не трогала, лишь изредка выходя на главную улицу деревушки, чтобы продать свои снадобья и лечебные отвары. прибыли это не приносило никакой, что вполне объяснимо: народ просто боялся, что по стеклянным колбам разлиты вовсе не травяные настои, а зелья страшной силы, а обереги заговорены не на удачу, а на смерть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.